

Глава I

Пилигрим

В сентябре 2017 года я впервые оказался в местности, известной в узких кругах как зона искажения, или Край. Наверное, я должен был хорошо запомнить этот день, но он выдался крайне суматошным, как и два последующих, а я просто валился с ног, не в силах фиксировать происходящее вокруг. Это сейчас, спустя два года (хотя меня всё еще берут сомнения, прошло ли в действительности столько времени), я могу по фрагментам восстановить события тех дней, которым я поначалу не придавал большого значения — и, как оказалось, напрасно.

Мне приходилось заниматься этим и раньше — восстанавливать мозаику из взаимосвязанных фактов, когда по стечению обстоятельств я был вынужден вести опасное и неприятное расследование гибели Адама Летова — специалиста по теории искажений в здешнем институте.

Время научило меня бережно относиться к воспоминаниям, и вот сейчас, выводя буквы на кремовой бумаге, я возвращаюсь в тот день, который так отрывочно помню, и наполняю каждую его минуту

детальями, бывшими, скорее всего, лишь плодом моей фантазии.

Иногда мне кажется, что к тому дню, когда я впервые прикоснулся к искажению, я готовился всю жизнь. Незаметными легкими мазками, случайными фрагментами, еле ощутимыми касаниями искажение преследовало меня, но начал понимать я это только сейчас.

В детстве меня очень пугала картинка из старого учебника географии. На ней, покоясь на трех слонах, стоящих на мокрой спине исполинского кита, летела в бесконечном пространстве маленькая плоская Земля с зелеными пятнами полей, монастырскими куполами, блестящими под лучами солнца, и просторами океанов, низвергающих свои воды с края земного диска. Я не задавался вопросами вроде того, что будет, если оступится один из слонов или им надоест стоять на месте, меня пугала перспектива остаться на ссохшейся Земле без капли воды — ведь я точно видел, что океаны безвозвратно стекают с края диска.

Мои страхи не иссякли даже тогда, когда отец застал меня за бесцельным наполнением всех найденных мною ведер из садового шланга. Я видел в этом занятии особый смысл еще и потому, что рассчитывал в перспективе на благодарность тех, кого я спасу от мучительной жажды. В такой ситуации меньше всего ждешь, что над тобой посмеются, что, собственно, и сделал отец. Ведра отправились в сарай, а я в песочницу — воплощение скорого и неизбежного будущего. Я сидел на краю с гла-

зами, полными слез, и смотрел на Солнце, такое маленькое, оборот за оборотом облетающее нашу плоскую Землю, едва не задевая хвост невообразимо большого кита. А потом я отыскал грязную бутылку от какой-то минералки, как мог, отмыл ее под краном и наполнил водой. Еще некоторое время я плотно вбивал в ее горлышко самодельную пробку, а потом закопал глубоко в песок, туда, где он уже влажный и полон камней. Однажды я откопаю ее и поделюсь с вами водой, и тогда вы больше не будете смеяться. Никогда. Так закончился обычный июльский день 1999 года.

Возвращаясь воспоминаниями в прошлое, я всегда слышал голос Марины, наш последний разговор перед тем, как я покинул столицу. Он звучал где-то в глубине мозга, пробиваясь сквозь клубок мыслей, запутывая его еще больше. Но с каждым километром, с каждой выкуренной сигаретой ее голос становился всё тише. Последние дни я много читал и много курил, а поезд всё дальше увозил меня в безлюдный край, наполненный туманом ранней осени и низкими домиками безликих станций, а деревья становились всё выше за грязным окошком тамбура.

Вагоны почти опустели. Хмурые пассажиры всё так же выбирались на перроны, почти не общались, смотрели на кирпичные здания и, пожившись, заползали обратно пить горячий чай и читать журналы недельной давности.

Наконец в один из дней сентября 2017 года я вышел на незнакомой станции, поставил дорожную

сумку на сухую траву и осмотрелся. Поезд спешно удалялся, помахав мне сизым хвостом. Впереди текла река, по цвету воды сильно смахивающая на местные болота. Это было последнее, что я видел на Большой земле; спустя пятнадцать минут мне предстояло совершить короткое путешествие по реке, переплыв ее в западном направлении на одной из припрятанных под обрывом алюминиевых лодок. Мое последнее путешествие по Земле, которую почти за четверть века я так и не успел более или менее прилично объехать.

Странная работа, перепавшая мне по стечению обстоятельств, не была такой уж неожиданно. Стажировка для без пяти минут выпускника журфака столичного вуза — дело даже приятное, если проходит она в более интересном месте, чем пресс-центр Академии наук. Некоторое время я с энтузиазмом возился с записными книжками и бегал по корпусам здания пресс-центра, зажав под мышкой ноутбук, а в другой руке любимую беззеркалку. Потом несколько дней просидел в архиве, листая пыльные желтые страницы старых подшивок. Наконец я взмолился о переводе в тот отдел, работа которого была — или, по меньшей мере, выглядела — необычной и обещала командировки. И стоило ли удивляться тому, что первая же командировка закинула меня в это странное место на краю Земли — и в прямом, и в переносном смысле? В кармане лежало потрепанное за долгую дорогу командировочное удостоверение, в котором, вопреки обычным требованиям,

было лишь две графы — «отбыл» и «прибыл». Ни целей, ни дат.

Я подтащил лодку к берегу. Медлить не следовало, особенно в этом месте. Я был уверен, что немало таких же авантюристов, как я, вдруг резко передумав, бросали лодку на берегу и торопливо шли к безымянной железнодорожной платформе. В любом случае, посетителей у этого места было достаточно — об этом свидетельствовали целая горка как размякших, так и совсем свежих окурков, пустая бутылка из-под какого-то местного лимонада и почти расплзшийся плащ-дождевик. Я присел на край лодки и постарался выдумать сентиментальный жест, наиболее подходящий к данному случаю, — окинуть печальным взором поросшие лесом берега и горько вздохнуть. Но ничего подобного в голову не приходило, а сигареты закончились еще утром.

Начинающийся зной позднего утра вытащил оводов из потаенных нор и наполнил воздух ароматами недалеких болот, чем начисто лишил этот момент романтики. Я закатал штанины и потащил лодку в воду, то и дело наступая на следы пребывания «паломников». На мгновение показалось, что кто-то спускается вслед за мной к воде, но это был всего лишь ветер, внезапно поднявшийся и замесивший с летней духотой остатки прохлады. На пологом противоположном берегу лес оставался неподвижным, словно ветер проигнорировал его и вероломно напал лишь на один берег реки, Впрочем, в каком-то смысле так и было. Лес там

напоминал качественно выполненную, но неуместную декорацию, подобную нарисованным стенам и окнам на лесах реставрируемых зданий, фальшь которых почти не заметна с больших расстояний. Я оттолкнулся веслом от берега и поплыл.

В свое время я читал инструкцию по пересечению условной границы аномальной зоны «К», более известной как Край. И даже перечитывал ее урезанный вариант накануне, но из полезной информации запомнил лишь настоятельную рекомендацию не смотреть на удаляющийся берег по мере приближения к противоположному. Инструкцию писали не напрасно, и любопытство, возможно, повлекло бы неприятные последствия. Но я бы и так не стал оглядываться — река неширокая, и суеверное табу запрещало мне делать это и тем более поворачивать назад. Но повернуть назад я не смог бы, даже если бы вдруг захотел.

Ветер догнал меня на середине реки, швырнул в затылок горсть соленых брызг, стих так же внезапно, как появился. Воздух наполнился незнакомым запахом и прохладой, хотя мою спину еще пригревало полуденное солнце. Берег уже выглядел неестественно — словно был нарисованным на невидимом холсте, небо над лесом стало серым, а между деревьями появились прорехи, за которыми проглядывала всё та же серость. Я был заранее готов к неприятным ощущениям, гнетущей пустоте и прочим прелестям перехода через невидимую границу, отделяющую Край от Большой земли, но ничего подобного не было, только стихающий ве-

тер и прохлада, наполняющая всё еще летний воздух. И тишина. Это, пожалуй, было самым странным. Тишина повисла вокруг стеклянным колпаком, исчез надоедливый стрекот неведомых насекомых и шум деревьев. Берег впереди был всё ближе, но это был уже совсем не тот берег. Точнее, общие черты остались — та же полоса деревьев на полкилометра вдоль песчаного пляжа, похожего больше на морское, чем на речное побережье, а дальше за низкими скалами застыло серое небо. Я втащил лодку на холодный песок и обернулся.

Передо мной было море. Точнее даже океан, пустой под таким же пустым небом. Там, где он должен был врезаться в горизонт, я не заметил ничего, даже узкой контрастной полоски. Не говоря уже о противоположном берегу, на котором я совсем недавно придумывал лирическое прощание с Большой землей. Океан слабо плескался под ногами, то отбегая на пару метров, то окуная мои ступни в ледяную воду.

Я пошел по хорошо протоптанной тропинке, мимо крепких деревьев, корнями вгрызшихся в мокрый песок. Удивительно, но такая перемена климата, казалось, нисколько не отразилась на сибирских соснах. В любом случае, ни одного погибшего дерева я не заметил.

У невысоких скал дорога была уже благоустроена и даже местами асфальтирована. У обочины стоял мусорный бак, почти пустой, но обложенный вокруг разного рода хламом. Кучка пластиковых бутылок собралась и на другой обочине возле

дырявой деревянной лодки. Рядом, вжав шею в широкие плечи и кутаясь без особого результата в белый лабораторный халат, стоял человек, которого я знал только по электронной переписке и двум-трем отчетам, завалившимся в отделе, которые перед отправкой сунул мне вместе с напутствием руководитель практики, пообещавший незабываемые впечатления от посещения Края.

Бывают люди, сразу располагающие к себе, с первой минуты общения, и человек в халате относился именно к таким. Он был полный, как старый кот, и усатый, как морж из столичного зоопарка. Запаханный и небрежно застегнутый не на все пуговицы лабораторный халат только подчеркивал академическую беспечность и рассеянность, характерную для среднего звена научных работников. Над его головой клубилось странное закатное небо, хотя я был готов поклясться, что мои часы показывали четверть одиннадцатого утра.

— А мы вас ждали, Богдан Алексеевич, — объявил сквозь усы полужнакомый ученый. — Слава богу, вы прибыли, а то я уже стал сомневаться, что правильно понял ваше письмо. Жду-жду, а вас всё нет.

— Поезда имеют привычку приходить не по расписанию, — сказал я.

— Я так и подумал. Поезд. Я уже забыл, что это такое, — он, улыбаясь, пожал мою руку и на всякий случай представился, хотя и не требовалось: — Олег Олегович. Платонов. Ну, впрочем, вы знаете. Идемте за мной.

Олег Олегович занимался исследованиями, смысл которых я понимал с большим трудом. Тем не менее возглавляемая им лаборатория альтернативной оптики считалась одной из самых престижных, хотя от этого не становилась менее странной.

— Мы хотели встретить вас на берегу, но не успели. Это всё я виноват, простите, совершенно забыл про разницу во времени.

— Мы?

— Да, виноват, я же вас не представил. Это моя новая ассистентка, Виктория. А где же она? Вика! Вика!

Олег Олегович, всё еще размахивая руками и озираясь, засеменял по дороге на невысокий подъем, а я подобрал с земли сумку и, улыбаясь, пошел за ним.

В тот день передо мной в первый раз раскинулся этот чудесный и величественный вид — и, как оказалось, в последний. Признаться, больше я не поднимался на вершину того холма, хотя много раз оказывался поблизости. Внизу лежала долина, рассеченная неширокой рекой с пологими зелеными берегами на две неравные части. За оградой из изящных резных башенок (много позже я узнал, что каждая из них символизирует отдельную область науки) тянулась аллея из пепельных кипарисов. Она шла к самым ступеням, разветвляющимся на две мраморные лестницы, огибающие статую слепого ученого (это я тоже узнал позже). Лестница была частью здания, увенчанного двумя неравными по высоте башнями, — словно конструктивистская

копия Нотр-Дама, но оттого не менее величественная. Ближнее крыло упиралось в холмы, а дальнейшее спускалось каскадом построек к самому пруду, питающемуся от близкой серебряной речки. В ее спокойной воде отражалось дождливое небо, и создавалось впечатление, что она и впрямь серебристая. Сверху казалось, что весь комплекс зданий и огромный парк расположились в зеленой чаше среди высоких холмов, но отсюда, с аллея кипарисового парка, холмы почти не были видны, а башни центрального корпуса сами выглядели как гора с двумя неровными вершинами, вырастающими прямо из поднимающихся каскадами лестниц.

И каскады лестниц, и парк были пусты, как и луговые берега реки, малахитово-зеленые даже в дождливом сумраке.

Упираясь в перила, венчавшие вершину холма с крутым склоном, безучастно вглядывалась в пустоту парка невысокая девушка в короткой синей куртке. Ее волосы были собраны в хвост, а голова вжималась от холода в воротник так, что шеи почти не было видно.

— Здравствуйте, — сказала она хриплым голосом, почти не поворачивая головы. — Красивый вид, правда?

— Красивый, но мрачный, — согласился я.

— Тут почти всегда так. Особенно вечером.

— А ночью?

Она пожала плечами.

— А ночи здесь не бывает. Виктория. — Она протянула руку. Ее пальцы были тонкие и холодные.

Я посмотрел на свою ветровку, хотел предложить по-джентльменски ее девушке, но Вика и так была одета куда теплее меня.

— А, вы уже познакомились, — пропыхтел Олег Олегович. — Ну тогда пойдёмте вниз. Не стоит гулять тут на закате.

Закат. Мои часы показывали позднее утро, впрочем, и тело еще хранило остатки зноя над той рекой, которая непостижимым образом превратилась в холодное солёное море.

Виктория спускалась вниз по широкой лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, а мы не спеша следовали за ней.

— Вика — хорошая девочка. Просто находка. Ума не приложу, что бы я делал без нее со всей работой, которая в последнее время свалилась. Да, Богдан Алексеевич, много работы, очень много.

— Просто Богдан, — попросил я.

— Ах да, конечно. Так вот, я о работе. Замечательная девочка Вика. Сейчас без ассистента никак. Вам бы тоже не мешало завести ассистента. Нам, людям науки, без ассистента никак.

Я засмеялся, а Олег Олегович непонимающе повернул ко мне пухлое лицо.

— Думаю, я сам стану ассистентом в скором времени, — пояснил я.

— Ну да, конечно, — рассеянно согласился Платонов, — не подумал. Простите.

Дальше мы шли в относительной тишине, только Виктория напевала вдалеке, видимо, под неслышимый плеер, да сопел и отрывисто вздыхал Платонов.

Перед высокой дверью из резного дуба с благородно-медными и отполированными сотней ладоней ручками Олег Олегович распрощался со мной, а Вика, утопив улыбку в воротнике, пожелала мне удачи.

— Вам нужно зарегистрироваться, а потом отдохнуть. Ждем завтра в нашей лаборатории, и Вика покажет вам тут всё.

— Даже не сомневайтесь, — прищурилась Вика. — И удачной регистрации.

Они неспешно потопали вниз по боковой эстакаде, туда, где, как я узнал позже, был запасной выход. А я, обернувшись еще раз на кипарисовый парк и смахнув с лица капли начинающегося дождя, вошел в высокие двери.

* * *

Внутри тоже было прохладно. Из всей роскоши и функциональности огромного фойе меня интересовала и касалась пока только регистрационная часть под мраморной лестницей. Но я обратил внимание на четыре стола у дальней стены и еще две застекленные кабинки, светившиеся у окна, впрочем, закрытые белыми жалюзи.

Я присел на потрепанное кресло. Человек за столом посмотрел на мой паспорт, затем на меня и сунул в руку пачку бланков.

— Господин Авдеев, с прибытием в карантинную зону! Позвольте ваше направление.

Я выложил на стол сложенный пополам листок. В фойе вошли несколько молодых людей,

вероятно студенты. Один расположился в кресле и извлек из сумки толстый блокнот, двое других отправились стучать в закрытую кабинку.

— Всё в порядке? — спросил я, поворачиваясь к дежурному. Тот пожал плечами и отложил мое направление в сторону, в кучу таких же листов.

— Господин Авдеев, я должен задать вам несколько вопросов и рассказать о правилах поведения в карантинной зоне. Это формальность, но тем не менее необходимо. Анкету вы можете заполнить позже и сдать мне либо коменданту общежития, но желательно завтра до полудня.

Я послушно кивнул.

— Откуда вы направлены к нам?

— Пресс-центр Академии наук. Собираю материал для большого отчета об исследованиях феномена искажения к пятидесятилетию открытия Края.

— Неужели нашим НИИ наконец заинтересовались?

— Вроде того.

— В командировку, значит?

— Скорее на практику.

— Студент? Хорошо, — дежурный писал размашистым почерком поперек строчек бланка. Рядом, не прекращая, беззвучно мигал монохромный телефон. — Вам будет выдана одноместная комната во втором корпусе, ключи возьмете у коменданта. Вам необходимо будет пройти первичное обучение на карантинных курсах, после чего вы получите право перемещения по всей территории института, за исключением некоторых корпусов.

При желании можете пройти платные ускоренные курсы: занятия идут каждый вечер с восемнадцати ноль-ноль, в течение недели, за исключением субботы и воскресенья. Также вы можете подать документы на заочное отделение с прохождением обучения, три с половиной года, при условии, конечно...

— Спасибо, я воздержусь. Что мне нужно знать еще?

— Комендантский час в карантинной зоне отсутствует, бесплатное питание один раз в день, с четырнадцати ноль-ноль, кстати, — он взглянул на часы и зашуршал бумагой. — Вы страдаете какими-нибудь фобиями, проходили ли лечение в психиатрическом стационаре или стояли на учете?

— Сохраню интригу! — я улыбнулся, а дежурный что-то пометил в журнале.

— Завтра в десять у вас консультация у психолога. Кабинет четырнадцать. Что-нибудь еще?

— Да, — я поднялся, — куда мне идти сейчас?

Дежурный пожал плечами и махнул рукой в неопределенном направлении, и я, подняв с пола дорожную сумку, неторопливо побрел к выходу.

Над самой дверью во всю стену растянулась репродукция гравюры Фламариона, раскрашенная с большой точностью, словно рукой самого Хуго Хайкенвельдера. Всё тот же пилигрим стоял на коленях у края мира и смотрел сквозь купол неба на хаос вселенной. Картинка, знакомая из школьных учебников и исторических книг, которая иллюстрирует дремучесть христианского Средневеко-

вья, насмешка над самой собой и толкователями смысла, воспринимающими ее всерьез. Для миллионов созерцателей гравюры всё еще оставалась секретом ее поддельная сущность. Выполненная в конце XIX века, она никак не могла отражать воззрения Средневековья и была, по сути, карикатурой на тех же прагматиков.

Здесь, на Краю, всё это тем более не имело смысла.

По впечатляющему полотну поползли тени, гораздо быстрее, чем должны были. Я обернулся. Зал опустел, студенты исчезли, а дежурного заменила табличка «обед» из оранжевой бумаги. В широких окнах пронеслись всё те же тени от деревьев, и стало темнеть. Не как во время затмения, на которое я сперва подумал, — окна наполнились ярким закатом, а затем сразу густым вечерним сумраком. Часы показывали без четверти полдень.

— Недавно у нас?

— Простите? — Я обернулся. Парень с такой же дорожной сумкой, как и у меня, стоял в полушаге за моей спиной и показывал на гравюру.

— Обычно никто не обращает внимания, только приезжие. А жаль, красиво. Каждый раз останавливаюсь, — он шагнул ко мне и протянул руку. — Мартин.

— Богдан.

Мартин излучал уверенность и непомерное счастье. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы решить, будто Край — лучшее место во всей вселенной. Он лучился энергией, и даже хилый свет из дождливого окна ухитрился искриться

в его коротких светлых волосах. Глаза он щурил, но не близоруко, а как от слепящего солнца. Его лицо шелушилось, словно обгорело на пляже, вот только, судя по погоде, пляжи в это время тут неважные.

Обменялись рукопожатиями. Мартин снова указал на картину.

— Посмотри на него. Удивительные люди эти искатели. Уставился на механизмы вселенной за краем мира, словно ожидал увидеть там что-то более прозаическое. При этом его абсолютно не смущает, что у солнца есть глаза и рот, — он засмеялся. — Я б с ума сошел от такого факта.

— Гораздо любопытнее узнать, чем он проковырял небесную твердь.

— Хм, — Мартин потер подбородок, — никогда не задумывался об этом. Видимо, мы не всё знаем о его посохе. Но вы, Богдан, определенно несете нам свежие идеи. Только не надо говорить о гравюре перед ученым советом, они люди без юмора — не поймут.

Я указал на дорожную сумку-близнеца.

— Тоже с Большой земли?

— Нет. Просто небольшая командировка. Я тут уже очень давно. Ну, еще увидимся, — он махнул мне рукой, подмигнул пилигриму и исчез в проходе к лестницам.

Мартин. Кажется, польское имя. Если по научному обмену, то не повезло парню — отсюда нет обратного пути ни на Землю, ни в известную нам вселенную, ни даже в Польшу. Осознание этого

придет и ко мне немного позже, но не сейчас. Пока я не мог, да и не был готов осознать, что это здание и уже моя, но пока еще неведомая комната в общежитии — мой дом на остаток моей чудесной жизни.